

УДК 94(430)

РОЛЬ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРАТОРА ВИЛЬГЕЛЬМА II В ВОЗНИКНОВЕНИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© 2009 Г.М. Садовая

Самарский государственный университет

Поступила в редакцию 16.03.2009

В статье сделаны акценты на сравнении оценок отечественных и зарубежных историков в определении характера кайзеровского режима кануна Первой мировой войны. Главное внимание уделяется пересмотру стереотипных подходов в освещении роли кайзера во внутренней и внешней политике Германии. Вильгельм II представлен значительным государственным деятелем, отвечающим духу нового времени, осознающим национальные задачи империи, несмотря на противоречивость и парадоксальность поведения.

Ключевые слова: кайзер, национальная идентичность, харизматическая личность, режим личной власти, культурный имидж, политическая система, либерализм, социализм, интеграция рабочего класса, элита.

Кайзер Вильгельм II (1859-1941), безусловно, является самой спорной фигурой среди всех германских императоров. Большинство немецких и отечественных историков при анализе эпохи кайзера Вильгельма II (1888-1918) считают обязательным условием противопоставление и отделение роли монарха в возникновении войны от всех других институтов власти и гражданского общества. Биографы кайзера (в советской и отечественной историографии нет специальных политических биографий монарха) сосредотачивались на личных качествах монарха, выпячивая его болезни и необузданный характер. Так, британский историк Рёль с удовольствием цитировал немецких современников: “Германией управляет орда умалишенных” [1]. “Германский престол занимает больной человек: типичный маньяк и дегенерат” [2]. В последние годы с изменением ракурса изучения проблематики Первой мировой войны, когда историки сосредоточились на вопросах бессмысленности войн в эпоху индустриального общества и изучении психологии и менталитета воюющих армий и военнослужащих [3], появились новые нотки не только в характеристике личных качеств кайзера, но изменилась в целом концепция режима Вильгельма II и его участия в развязывании войны.

Все советские авторы однозначно приписывали Вильгельму главную роль в развязывании Первой мировой войны, начиная с патриархов советской германистики - академиков А.С. Ерусалимского, И.С. Галкина, включая историков 80 - 90-х гг. XX - начала XXI в. (А.И. Патрушева и Ю.В. Галактионова) [4]. Виноградов К.Б. (ленинградский ученый) подчеркивал, что крупнейшие

*Садовая Галина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории.
Тел. (846) 334-54-50.*

специалисты по Вильгельму, среди которых и английский ученый Дж. Рёль, пишущий о значительной роли Вильгельма, его воинственных наклонностях и эффективном “королевском механизме” принятия решений, не могут вызывать согласия у марксистских ученых [5]. Такую же позицию занимали и историки ГДР [6]. По существу все они были в плену ленинской концепции германского империализма. В.И. Ленин называл довоенную Германию “военно-деспотической страной”, а германский империализм – “монархическим, с феодально-династическими целями” [7]. Эти характеристики органично вплелись в исторические исследования советских ученых. Главное внимание уделялось негативным чертам довоенного развития вильгельмовской Германии – гипертрофированной милитаристской агрессивности в достижении “своего места под солнцем”. С другой стороны, не только марксистские, но и немарксистские историки крайне одиозно освещали не только внешнюю, но и внутреннюю политику Германии, обвиняя во всем императора.

Историки советского происхождения утверждают, что Вильгельм II еще при канцлере Бюлове потерял всякую возможность влиять на государственные дела, хотя он и совершал поездки, имевшие международный характер (например, в Турцию, Грецию, Россию, Данию). Сам Б. фон Бюлов когда-то восхищался Вильгельмом: “Наряду с великим королем и великим курфюрстом он является самым значительным из когда-либо живших на свете Гогенцоллернов... Его гениальность и фантазия, его память и восприятие, его энергия настолько потрясающи, что до них любому министру далеко [8 С.175]. “Мышление Вильгельма было пронизано грубым, неприкрытым расизмом” [8, С.170]. Боль-

шая часть молодежи ни в чем не была убеждена так, как в пустоте и лживости вильгельмовского государственного строя. Кайзер часто давал поводы для негативных оценок своего поведения: Вильгельм использовал сочные выражения по поводу депутатов рейхстага, называя их “отребьем без отечества”, или “немецкий парламентарий со временем становится свиньей”. Вильгельм II воспринимал себя как нового, “еще более великого”, чем Фридрих II, императора [8, С.172]. Современные отечественные историки по-прежнему стоят на стереотипных позициях в отношении Вильгельма, считая его главным поджигателем войны, который намеренно не предпринимал никаких серьезных усилий для предотвращения войны. Однако такие заявления вступают в противоречие с определением роли кайзера в институтах власти, влиявших на принятие решений. На конкретный ход событий гораздо больше влияли канцлер Бетман Гольвег и начальник генерального штаба Мольтке, подчеркивает К.Б. Виноградов, на деле Вильгельм был почти совершенно отстранен от решения значительных вопросов [5, С. 155]. В возникновении войны большее влияние имел канцлер Бетман Гольвег, утверждает Виноградов, потому что Вильгельму не удалось установить своего личного правления, и с годами его роль в определении внешнеполитического курса заметно уменьшилась [5, С. 156]. Этот же вывод был сделан советским ученым Ф.А. Ротштейном еще в 1960 году [9]. Стало быть, за возникновение войны кайзер не один ответственен, если его воинственность вполне совпадала с желаниями других властных лиц.

Британский историк-публицист, автор популярной биографии Вильгельма Джайлз Макдоно пишет: “Нельзя сказать, чтобы Вильгельм был тупым реакционером-милитаристом. Порой его стремление к новому приобретало комичные формы: за последние 16 лет его правления он внес 37 изменений в армейскую форму. Вильгельма заботил вопрос об улучшении продовольственного обеспечения в армии и флоте, поэтому он лично определял меню и норму спиртного для военнослужащих. Кайзер выступал за омоложение офицерского состава армии, благодаря чему даже в самых элитных полках стали служить выходцы из буржуазных семей. Вильгельм был против рукоприкладства по отношению к солдатам, требуя, чтобы о каждом инциденте докладывали ему лично” [10]. В окружение Вильгельма входили известные промышленники – Крупп, братья Штумм, Хенкель-Доннерсмарк, банкиры Гвиннер и Гельферих от “Дейче банк”. Вильгельм прислушивался к советам выходцев из еврейских семей – Баллин, Эмиль и Вальтер Ратенау, Фюрстенберг, Заломонзон, Макс Варбург и др. Многие домогались

его расположения как раз ввиду значимости и влиятельности кайзера.

Немецкие историки, особенно после воссоединения ФРГ и ГДР (1990), с новым рвением обратились к исследованию вильгельмовской эпохи ради поисков национальной и государственной идентичности Германии, интеллектуально переосмыслив практически всю германскую историю. Хаген Шульце (специалист по Веймарской республике), профессор Берлинского свободного университета, написал историю Германии в рамках проекта “Национальная история” [11]. Совершенно по-новому он представил читателю кайзеровскую Германию, сделав акцент не на милитаристской и авторитарной характеристике, а на национальных и исторических задачах молодого государства. Шульце интерпретировал все те факты и теоретические размышления, которые были сделаны не только немцами, но и зарубежными учеными, в частности, Рёлем (британским историком). Положительно оценил Шульце стремление империи к мировому господству, в отличие от популярного, но чрезвычайно полемичного наследства историка Ф. Фишера. Он прямо пишет: “Стремление к созданию мировой державы представлялось завершением и осуществлением национального единства” [11, С. 128]. Заметим, что курс на мировую политику был провозглашен Максом Вебером (знаменитым либералом) раньше, чем это прозвучало из уст кайзера и канцлера. Вступая в должность профессора во Фрейбурге, он произнес речь (1895), в которой прямо призывал к превращению Германии в мировую державу [12]. Шульце неожиданно высоко представил читателю кайзера: Вильгельм II принадлежал к тем людям, которые не имели кастовых предубеждений против буржуазных выскочек, и во многих отношениях воплощал дух новой эпохи. Он был человеком с блестящей памятью и дарованиями, острым умом, но воспитанный в атмосфере крайнего ханжества под влиянием властной матери [11, С.119]. Как известно, император покровительствовал естественным и гуманитарным наукам; основанное в 1911 г. в Берлине “Общество кайзера Вильгельма” финансировалось отчасти государством, отчасти крупными промышленниками, проводило фундаментальные и прикладные исследования в невиданных ранее масштабах. До 1918 г. из его институтов вышли пять лауреатов Нобелевской премии: Альберт Эйнштейн, Макс Планк, Эмиль Фишер, Фриц Хабер и Макс фон Лауэ.

Шульце обратил внимание на то, что император возглавил Германию в непростые времена: парадность, за которой просматривались неуверенность и чувство, что это недолговечно. Не про-

исходило внутренней консолидации империи. Германия оставалась внутренне раздробленной страной, старый раскол по территориальному и конфессиональному признакам преодолевался в столь же малой степени, сколь и социальные противоречия между промышленностью и сельским хозяйством, дворянством и буржуазией, капиталом и трудом. Острой критике Шульце подверг партийно-политическую систему Германии: политические партии в соответствии с германским конституционным устройством не были обременены политической ответственностью, а следовательно, и стремлением к компромиссу. Партии направляли больше усилий на создание философско-идеологических программ, чем на осуществление прагматической политики [11, С.121]. Немецкую партийную систему отличало проявление непримиримых антагонизмов, лабиринт траншей и сохранение позиций круговой обороны. Там, где необходим был консенсус или обращение к ценностям более высокого порядка, в общественной системе господствовала заряженная идеологическими стереотипами борьба всех против всех. [11, С. 121-122]. По существу, Шульце заявил, что прусско-германское авторитарное, управляющее, воспитывающее и распределяющее государство осознавало свою ответственность за всех и вся, от социального попечения до порядка на кладбищах [11, С.122]. Институты империи, ее управленческий аппарат и, прежде всего, армия служили идеологии, возвышавшейся над противоречиями интересов, имевшимися в обществе, и представлявшей идею всеобщего благополучия. Это была в корне антидемократическая и авторитарная идея, признает Шульце, однако роль государства оказывалась масштабнее, чем роль существовавшего народного представительства, рейхстага, который считался местом болтовни и распрей и потому обладал малым авторитетом [11, С.123]. Напрашивается вывод, что во главе процесса шествия к благополучию шел император.

Согласно Рёлю (британский историк), существование новой государственной системы разделяется на следующие этапы: период с 1888 по 1890 гг., доминирующим аспектом которого был конфликт со всемогущим Бисмарком; период с 1890 по 1897 гг. – годы перехода от “временного периода” к “институционализированному личному правлению”; период с 1897 по 1908 гг., который можно охарактеризовать словами Бюлова: “Личное правление в хорошем смысле этого слова” – период, который вполне мог просуществовать и до 1914 г.; период Первой мировой войны – здесь Рёль соглашается с теми историческими выводами, согласно которым Вильгельм был просто “теневым императором” [13]. Рёль выясняет роль императорского двора, его окружения и са-

мого кайзера для всего механизма “монаршего правления”. Он концентрирует внимание на подробном, детальном описании того, как анахроничная имперская Германия оказалась на вершине. Суммы, потраченные на содержание императорской семьи, по Рёлю (признак самого монархического общества), были самыми значительными в мире [13]. Императорский двор забирал из государственной казны больше, чем рейхсканцлер, его канцелярия, министерство иностранных дел (включая все дипломатические миссии, консульства и представительства), министерство по колониальным вопросам и имперская судебная администрация вместе взятые. Для сравнения: британцы платили только четверть этой суммы на содержание своего двора, который в то время был “центром” огромной мировой империи [13]. Для обслуживания Прусско-германского двора при Вильгельме II работало, по крайней мере, 3500 человек, 2300 из которых состояли на постоянном жаловании. Все вместе они представляли собой огромную и престижную систему, по своим размерам большую, чем прусский и имперский бюрократический аппарат вместе взятые, которая выполняла многочисленные и разнообразные функции [13]. Рёль пишет, что система, созданная Вильгельмом под давлением огромных военных расходов, зашла в тупик, а после победы его противников над Ф. Эйленбургом (другом и личным советником кайзера) уничтожена нравственно и политически [14]. “Буржуазно-либерально-империалистическое” поколение, которое представляли Альберт Баллин, Фр. Науман, Максимилиан Харден, Макс Вебер, Вернгард Дернбург, В. Ратенау способствовало, благодаря отставке Эйленбурга, усилению военщины, самоубийству прусско-германской монархии и крушению старого порядка во всей Европе [14]. Рёль утверждает, что “немецкий народ виноват не в развязывании войны, а в том, что терпел “опереточный режим” [14, S. 16]. Главное отличие концепции Рёля в постановке проблемы о характере “режима личной власти” от отечественных историков заключается как раз в том, что он уверен в единоличном правлении кайзера. Самыми показательными примерами “личного правления” кайзера, по Рёлю, были “социальная и социалистическая политика, гигантская программа по строительству флота и политика Прусского канала... Если бы правил не Вильгельм, а кто-то другой, то все могло пойти иначе” [14, S. 16]. “Ситуация была таковой, что ни один высокопоставленный министр, военачальник, офицер флота, придворный или гражданское должностное лицо не могли противоречить кайзеру в том случае, если бы он решил их уволить – вот отрицательная сторона единоличного правления” [14, S. 16].

Немецкие историки подчеркивают, что Вильгельм выражал желание многих слоев политической, экономической и художественной элиты. Либералы хотели позицию канцлера усилить и препятствовать “личному режиму” кайзера. Духовными лидерами были М. Вебер и Ф. Науман. Максимилиан Харден (влиятельный редактор) писал в издаваемом им журнале “Zukunft”, что “кайзер был сам себе Рейхс-канцлером” и все важные решения последних 12 лет принимались исключительно им самим” [12, S. 223]. Социалисты (Г. Ледебур) считали, что “единственная возможность поставить на колени бюрократическую систему заключалась в том, чтобы использовать большинство рейхстага против бюджетного права, но этому препятствовали буржуазные партии, используя режим личной власти лишь в своих интересах [15, S. 210].

Однако, как считает доктор Алан Скед (рецензент), Рёль твердо стоит на ногах при анализе внутренней политики Вильгельма I в отличие от немецкого историка Вейлера. Модель Вейлера – развитие Германии за счет “анонимных сил авторитарной поликратии” не соответствует фактам, считает Рёль, так как все важнейшие решения в Германии принимались самим кайзером. Анонимные силы – это элита, окружавшая Вильгельма, но она не могла сделать так, чтобы голос ее был услышан, не могла предложить какую-либо политическую оппозицию. Рёль категорично отвергает точку зрения, что чиновники и другие группы взяли контроль над страной в течение второй половины правления Вильгельма. Его аргументация основана на прекрасном знании источников и исторической литературы изучаемого вопроса [13]. Но можно согласиться и с мнением, что Рёль несколько сужает суть вопроса, поскольку полагает, что кайзер подобно Гитлеру несет ответственность за развязывание мировой войны [13].

8 декабря 1912 г. состоялся знаменитый Военный совет, на котором, как утверждают историки школы Фишера, было принято решение о начале агрессивной, захватнической войны со стороны Германии. Фишер считает, что кайзер и начальник Генерального штаба Мольтке условием развязывания войны выдвигали главное противоречие между славянством и германцами [16]. Кайзер требовал усиления пропагандистской мобилизации немецкого народа, с этой целью были даны указания прессе: “Немецкому народу должно быть уже сегодня объяснено, за какие интересы он борется и какие соображения возможную войну делают необходимой” [16, S. 34]. На том же совещании кайзер дал указание министерству иностранных дел “считать базисом нашей политики и, соответственно, поисков со-

юзников для ее исполнения” признание права Германии (в будущей борьбе за существование) на войну против славян и Галлии [16, S. 35]. Британский историк Макдоно полагает, что остается невыясненным: представляли ли собой произнесенные слова кайзера четко сформулированную военную программу, демонстрацию своих качеств волевого и решительного политика или же это было простое выражение отчаяния из-за того, что Германию припирают к стенке. “Вероятно, можно говорить лишь о всплеске эмоций. Проводить прямую связь между декабрем 1912 г. и событиями июля-августа 1914 г. было бы некорректно” [10, S. 516]. Рёль же предполагает, что за убийством Франца Фердинанда в Сараево в 1914 г. вполне мог стоять Берлин [13].

События июльского кризиса 1914 г. особенно четко высветили многие черты характера и привычек германского монарха. Как политик, неплохо знакомый с непомерными аппетитами промышленников и финансистов, он готов был возглавить поход за установление германского господства в Европе и во всем мире. Но от самоуверенных генералов или канцлера, фундаментально обдумывающего политическую партию намного шагов вперед, кайзера отличала нерешительность, импульсивность, шараханье из стороны в сторону. Ведь писатели и художники благожелательно встретили начало войны в своем большинстве как избавление из мнимой стерильности культурного слоя (среды) предвоенных лет. “Цивилизационное пресыщение”, ожидание чего-то совершенно нового – такова была почва, формировавшая духовную позицию. Немецкие интеллектуалы руководствовались представлением, что война принесет культуре оживление, прежде всего они верили, что война, благодаря “духу августа 1914” (воодушевление, с которым немцы, включая социал-демократов, приветствовали начало войны) предлагает шанс сгладить противоречия (навести мосты) через рвы, которые разделяют широкие слои народа и авангард искусства и литературы” [17]. Большинство художников и писателей приветствовали войну, как из эстетических, так и из патриотических чувств. Они самобилизовались и способствовали национальным военным устремлениям (Макс Бекман, Отто Дикс, Франц Марк, Георг Тракл, Эрнст Толлер, Рихард Демель, Герхард Гауптман, Макс Либерман). Такая позиция была оценена Вильгельмом II, когда в марте 1916 г. он заявил: “Я не знаю больше направлений в искусстве, а только одно немецкое искусство” [17, S. 114].

Позиция кайзера фактически ничем не отличалась от высшей парламентской политической элиты, многих промышленников и банкиров, художественной и научной элиты. Если народ

мог быть подвергнут мощной пропагандистской военной обработке и мог бессознательно (эмоционально) втянут в войну, то, безусловно, политические, финансовые, промышленные, аграрные, интеллектуальные элиты имели собственные представления о развитии Германии, в том числе силовом способе завоевания державных позиций в мире, и сознательно готовили войну и участвовали потом в ней.

Нам представляется, что Вильгельм аккумулировал соображения не только военных деятелей, но и указанных элит, имея с ними тесные отношения. Империалистическое мышление было присуще не только политике, но и литературе – Томас Манн, Рильке, Герхардт Гауптман, Герман Гессе [18]. Немецкий ученый М. Панцер подчеркивает, что вся немецкая традиция (философская и литературная) стоит за ограниченную монархию, а не за демократию – Кант, Гёте, Гумбольдт, Гейне, Фихте, а либерал Науман ее воспринял: он стоял за харизматичную личность в ситуации Германии – кайзера [18, S. 184]. Немецкие либералы М. Вебер и Ф. Науман видели в немецком кайзере необходимую харизматическую личность, которую надо было поддерживать, несмотря на важную роль партий, имея в виду быстрый процесс индустриализации и сепаратизм областей, где раньше проживали славяне (поляки и русские). Науман видел в кайзере меньше реальную власть, а больше мистическую, чрезвычайную, конечную, благоприятную величину; император был историческим, традиционно харизматическим элементом государства [18, S. 163]. Немецкие либералы в ходе войны и расширения поля борьбы по вопросам национализма, интернационализма, империализма, социализма и т.д. запутались в ориентирах [19]. К 1914 г. классический либерализм потерял свою способность к ориентации. Свободная игра рынка потеряла де-факто силу. Политическое соревнование государств обострило социальную напряженность. Науман и Вебер хотели через парламентаризацию и демократизацию Германии сделать популярной экспансию внешней политики и создать на основе средних слоев мощный базис [19, S. 66]. Но к началу Первой мировой войны либерализму так и не удалось разрубить ножницы между свободой и неравенством [19, S. 79].

Самой большой и одновременно самой трудной проблемой социального и политического развития кайзеровской системы были рабочий вопрос и проблема включения рабочих в социальный и политический порядок империи [20]. Внутри немецкого государства развивалось рабочее движение как альтернатива буржуазному

самосознанию. Эти процессы явились сущностной чертой социального и правового государства в кайзеровской империи. Вильгельм осознавал это обстоятельство и поэтому, несмотря на личную неприязнь к канцлеру Бетману Гольвегу, не увольнял его ввиду хороших отношений с социал-демократией: “...я не хотел отнимать у рабочих, ведущих себя в 1914 г. безусловно, государственного деятеля, к которому они, как мне было сказано, питали доверие” [21]. Х. Гребинг (специалист по рабочему движению) считает, что без позитивной интеграции большей части рабочего движения до войны нельзя объяснить поведение рабочего класса и его организаций в течение войны и в революции 1918/19 гг. [22]. Парадоксальность развития авторитарной политической системы Германии как якобы не соответствовавшей вызовам новой эпохи заключалась в том, как считает немецкий историк Карл Борн, что социальные и политические институты германской империи оказались так стабильны, что выстояли свыше 4-х лет военных нагрузок [20, S. 148].

Прежде всего следует подчеркнуть, что кайзер как монарх выражал национальные интересы всех слоев германского общества, а не свои личные династические амбиции. Империя Вильгельма II по форме имела полуабсолютистский характер, отличный от английской, итальянской и других западноевропейских конституционных монархий. Кайзер, ввиду специфического исторического развития Германии (позднего объединения в единое национальное государство), выполнял исторические задачи нового времени: экономического, политического, военного, научно-технического и культурного созидания имиджа современной великой державы. К Вильгельму было спокойное отношение и либералов и социалистов, они больше враждовали между собой, признавая кайзера в качестве национального символа. Необходимо охватывать более широкий политический контекст, описывать напряжение, которое возникает при функционировании такой системы в период, когда уже начинает появляться демократия, хотя это еще и не настоящая, а псевдо-демократия. Фишер и Рёль правы в оценке планов Германии на войну и агрессию, в оценке вторичной роли Бетман Гольвега. С другой стороны, прав рецензент Рёля Алан Скед, когда пишет: “даже если Австро-Венгрия и Германия были бы конституционными монархиями в 1914 г., риск развязывания мировой войны все равно был бы серьезным” [13]. За войну выступало все германское общество от самых изысканных интеллектуалов (Томас Манн) до промышленников и либералов (Крупп, Вебер) и рабочих, и Вильгельм II в такой же степени несет за нее ответственность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рель, Джон К.Г.* Вильгельм II Германский император (1888-1918) / *Антон Шиндлинг Вальтер Циглер.* Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов-на-Дону. "Феникс". 1997. С. 531.
2. Вильгельм Кровавый. Он! Вильгельм Кровавый. Москва. 1914 С. 5.
3. *Benjamin Ziemann.* Das "Fronterlebnis" des Ersten Weltkrieges – eine sozialhistorische Zäsur? Deutungen und Wirkungen in Deutschland und Frankreich/ Benjamin Ziemann // *Der Erste Weltkrieg und die europäische Nachkriegsordnung. Sozialer Wandel und Formveränderung der Politik.* Hg. Hans Mommsen/ Böhlau Verlag. Köln. Weimar. Wien. 2000. S.43-46.
4. *Ерусалимский А.С.* Германский империализм: история и современность. - М.: Наука. 1964. С. 138-141. *Патрушев, А.И.* Германия в XX веке. - М.: Дрофа. 2004. С. 53. История Германии в трех томах. / Под общей редакцией *Б.Бонвеч и Ю.В. Галактионов.* Т.2. От создания германской империи до начала XXI века. Кемерово: Кузбассвузиздат. 2005.
5. *Виноградов, К.Б, Жданов, Ю.В.* Вильгельм II Гогенцоллерн и внешнеполитический курс Кайзеровской Германии / ННИ. 1988. № 3. С. 155-156.
6. *Klein, Fritz.* Deutschland 1897/98-1917 /Fritz Klein – BerlinVEB, Deutscher Verlag der Wissenschaft, 1969. S. 293.
7. *Айзин Б.А. В.И.* Ленин о германском империализме. –Исследования по истории германского империализма начала XX века. Отв. ред. *Б.А. Айзин, В. Гуче* Москва: Наука. 1987. С.13.
8. *Туполев Б.М.* Династия Гогенцоллернов // ННИ. 1991 № 6. С. 172.
9. *Ротштейн Ф.А.* Международные отношения в конце XIX в. М.-Л., 1960 С. 18.
10. *Джайлз Макдоно.* Последний кайзер. Вильгельм неистовый. Пер. с англ. *А.М. Филитова.* – М.: ООО "Издательство АСТ": ОАО "ЛЮКС". 2004. С.322.
11. *Шульце, Хаген.* Краткая история Германии. Пер. с нем. – М.: Весь Мир, 2004.
12. *Langewiesche, Dieter.* Liberalismus in Deutschland / Dieter Langewiesche; Frankfurt am Main, 1988 -S. 219.
13. *Röhl, John C.G.* The Kaiser and his Court. Wilhelm II and the Government of Germany. Review Dr. Alan Sked; Cambridge University Press, 1998 /http://www.history.ac.uk/reviews/paper/sked.html
14. *Röhl, John C.G.* Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II. Und die deutsche Politik. München. 1988. - S.35.
15. *Domann, Peter.* Sozialdemokratie und Kaisertum unter Wilhelm II. Die Auseinandersetzungen der Partei mit dem monarchischen System seinen Gesellschafts – und verfassungspolitischen Voraussetzungen. Wiesbaden., 1974. - S. 210.
16. *Fischer, Fritz.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18/ Fritz Fischer; Düsseldorf: Droste Verlag, 2000. - S.34.
17. *Mommsen, Wolfgang J.* Die Urkatastrophe Deutschlands. Der Erste Weltkrieg 1914-1918. Klett-Gotta, 2001. - S.113.
18. *Panzer, Michael.* Der Einfluss Max Webers auf Friedrich Naumann. Ein Bild der liberalen Gesellschaft in der Wilhelminischen und Nachwilhelminischen Ära. Würzburg, 1986, - S.31.
19. *Ludwig, Elm/* Zwischen Fortschritt und Reaktion. Geschichte der Parteien der liberalen Bourgeoisie in Deutschland 1893-1918. Berlin, 1968. - S.65-66.
20. *Born, Karl Erich.* Wirtschafts –und Sozialgeschichte des Deutschen Kaiserreichs (1867/71-1914). Stuttgart, 1985. - S. 147-148.
21. Вильгельм II. События и люди 1878-1918: Воспоминания. Мемуары. – Мн.: Харвест, 2003. С. 92.
22. *Grebing, Helga.* Arbeiterbewegung. Sozialer Protest und kollektive Interessenvertretung bis 1914. - München, 1985. - S. 127.

**THE ROLE OF THE GERMAN EMPEROR WILHELM II
IN THE OCCURRENCE OF THE GREAT WAR**

© 2009 G.M. Sadovaya

Samara State University

Emphasis of this article is placed on comparison of estimations of Russian and foreign historians in defining the nature of the Kaiser's regime on the eve of the Great War. The main attention is given to the revision of stereotypic approaches in interpretation of the Kaiser's role in home and foreign policy of Germany. Wilhelm II is presented as a prominent statesman who reflected the spirit of new times, realized national problems of the empire despite of discrepancy and inconsistency of his behavior.

Key words: Kaiser, national identity, charismatic person, personal rule regime, cultural image, political system, liberalism, socialism, integration of working class, elite.